

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНЫЕ МОДУСЫ БЫТИЯ И КОНСТИТУИРОВАНИЕ АВТОНОМИИ ЛИЧНОСТИ

Э.Ю. Майкова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проводится дискурс-анализ границ автономии личности, заданных модусами «самости», идентичности, вовлеченности. Проблематизируется сохранность и безопасность личностной автономии в модусе социальной вовлеченности.

Ключевые слова: *социальные модусы бытия, социальная вовлеченность, конституирование автономии личности*

Конституирование или выстраивание жизненного опыта личности, её пути на социальной карте – процесс непрерывный, показывающий, с одной стороны, его укорененность в определенные культурные и экзистенциальные универсалии, а с другой – преодоление личностной произвольностью и автономией социокультурных оппозиций, традиций и общих условий. От характера конституирования себя личностью во многом зависит сохранение статуса автономной жизни, личностной свободы и ответственности, качества жизни.

В наше время рефлексивная личность все чаще обнаруживает свою точку бифуркации, свою несоизмеримость и аддиктивность с заданными социальными координатами, с властвующими нормами и наличными социальными модусами бытия. Поэтому проблема преломления личностной автономии в модусах самости, идентичности и социальной вовлеченности, обнаружение новых контуров её безопасности представляется актуальной.

Философы указывают на причины, по которым сегодня не может осуществляться как самополагание и самоопределение (т. е. реализовываться паттерн самости), так и диалог и признание (т. е. реализовываться паттерн идентичности) [1, с. 20]. Социальное бытие в модусе вовлеченности подавляет и репрессирует основополагающие в прошлом модусы самости и идентичности. Как подчеркивает Ю. Хабермас, современная эпоха социальной вовлеченности отличается от «эпохи самости» и «эпохи идентичности» [2].

Герменевтика феномена автономии в аспекте его социального содержания указывает на такие его эволюционирующие значения, как: выделение человека из природы, индивида из рода; формирование парадигмы автаркии (независимости, самоудовлетворения), восходящей к идее автономии, например, у стоиков или в буддизме; формирование в христианской традиции технологий глубинной интроспекции, мораль-

но-психологической рефлексии, интеллектуального самоанализа (Августин), а также ориентации на личность с потенцированием к духовной автономии и индивидуальной ответственности за судьбу мира; индивидуализм как культурный идеал Нового времени.

Историко-философская ретроспектива усматривает в эпохе модерна появление новой версии человека, где возникает право на отличие, которое обозначается как автономия личности, как «самость». Протестантизм обосновал автономию верующего как первичное воплощение самости. В раннем протестантизме ярко выражено переживание покинутости человека и мира Богом, что обесмысливает апелляцию к нему как источнику морали. С другой стороны, наличие морального сознания рассматривается как факт принадлежности к интеллигибельному миру. Самоощущение протестантского человека проявляется как совестливое переживание своего несовершенства, что заставляет анализировать мотивы своих поступков, чтобы увериться в продвижении на пути к спасению и в присутствии в себе доброй воли (присутствии Бога).

Протестантское мироощущение спровоцировало рефлексию и концепцию И. Канта о конституировании личности автономией. Согласно кантовскому подходу, автономия – это способность воли самостоятельно устанавливать закон своего действия. И. Кант расширил понятие автономии до рационального и душевно-психического смысла, до самозаконополагания, отнес его к пространству личности, к сфере личностных качеств. «Своеобразие человека состоит в особой самостоятельности и активности его психики, а именно в том, что с помощью своего разума он полагает себе номос, который как закон определяет его жизнь – разумеется, во взаимодействии с причинными законами природы и общества» [3, с. 283]. По И. Канту, фигура автономного субъекта – это тот, кто решительно и мужественно пользуется собственным рассудком, совершая тот или иной поступок. Автономия – свойство индивидуального субъекта, стержень человеческой свободы и морали. В соответствии с идеей И. Канта уважение автономии проистекает из признания того, что каждый человек есть безусловная ценность, и, следовательно, он в состоянии сам определить собственную судьбу.

Самость трактуется как интуитивное соответствие себе, как сознание собственной незаменимости. Самоидентичную самость пробуждают в человеке свобода, культура, воплощаясь в Эго. Самость создается на основе самоопределения, отсюда вытекает ведущая роль понятия автономии. «Паттерн самости соответствует ситуации *эмансипации личности* (индивида). При этом денонсируются все сословные размежевания и фундаментальным, все определяющим началом становится *природа человека*. Соответственно общество предстает реальностью, которая переустанавливается силой самоопределения индивидов. Индивид с его неотъемлемыми правами, которые по существу суть *права* человеческой природы, становится основой и краеугольным камнем всей со-

циальной реальности. Это – классическая либеральная идея, предполагающая взаимное признание человека человеком (каждого в естественности его человеческой природы); соответственно самость предполагает рефлексивную самоотнесенность» [1, с. 19].

Модальность самости проявляет свою множественность в психологическом («Я» как личность) и социальном («Я» как способ самопрезентации) измерениях: образуются такие реалии, феномены, знаки, символы, как игра, чувство жизни, вера, надежда, любовь, тревога, обладание, долг, время, пространство, архетипы, свобода, культура, смерть и бессмертие и др. Эпоха «самости» представлена в таких жанрах, как теодицея, исповедь, дневники, духовные практики; обнаруживается в социально-ценностных пределах гордыни, своеволия (самозванства), своекорыстия; проявляет себя в таких гносеологических подходах, как самомистификация, и поведенческих фигурах психопатии, девиации и т. д.

Таким образом, автономия индивида и личности, обоснованная естественно-правовой парадигмой Нового времени, выраженная модусом «самости», мыслилась как позитивное начало. Автономия зафиксировала в своем содержании самость как рефлексивную самоотнесенность, феномен индивидуализма и дистанцирования личности от общества, от социального контекста.

Сегодня в постмодернистском дискурсе пытаются доказать, что самость, «Я» отсутствует или же не имеет власти над создаваемыми нарративами. Постмодерн видит в полифоничности и децентрации распад «Я». Об этом говорят концепции «смерти субъекта» [4] и «смерти автора» [5], утверждающие потерю человеком ответственности за «авторство» своей самости, своих поступков и своего опыта, а также концепция «шизоанализа» [6], представляющая человека как существо, полностью подчиненное своему бессознательному, своим желаниям и потому обладающее децентрированной самостью, подобной шизофренической [7, с. 301]. Однако в рамках широко распространенной конструктивистской парадигмы находятся аргументы и авторитетные мнения о том, что сегодня рано хоронить идею «Я», самость.

Устойчивость личностной автономии ярко демонстрирует и проблематизирует в XXI в. феномен отчуждения. Многомерное, неопределенное, рискованное социальное бытие, с одной стороны, порождает новые степени автономности и свободы как способности человека к самостоятельному поведению в условиях воздействия на него разнообразных форм проявления социальной реальности. С другой стороны, в опыте «отчуждения» вскрывается парадоксальность социального и личностного бытия: человек становится чужд своей социальной и профессиональной деятельности, её средствам, результату, самому себе. Отчуждение – результат потери контроля над границами самоопределения, самодетерминации, автономии. Информационное отчуждение – знак (или призрак) современности. Болезненный для личностной автономии симптом

информационного отчуждения – это самооценка субъектом и личностью своего топоса и роли в социальном взаимодействии и коммуникациях. В результате обрушения на человека ливня ложной информации может происходить искажение его предельных, экзистенциальных вопросов бытия, желаний, смысложизненных мотивов и потребностей, норм и ценностей, всей ориентации в социальной системе. Особенностью информационного отчуждения является то, что основной причиной его возникновения становится информация (её наличие). «Убежденность адресата в получении качественной (адекватной) информации может быть поколеблена её несоответствием, складывающимся формам интеракции, и, как следствие, участник информационного взаимодействия (игры) меняет свои убеждения в отношении получаемых им сообщений (как правило, считает их ложными), либо подвергает их повторной декодировке (пытаясь уловить, как он считает, латентный в сообщении подтекст), либо пытается изменить своё мышление и поведение в соответствии с “ожидаемыми” формами» [8].

Информационное отчуждение проникает во внутриличностное пространство. Его основу составляет взаимодействие по модели автокоммуникации Ю.М. Лотмана. По его мнению, существует два типа каналов коммуникации: «Я–ОН» и «Я–Я», что позволяет даже говорить о двух типах культуры: монологической (ориентированной на автокоммуникацию) или диалогической (настроенной на сообщение). Как считал Ю.М. Лотман, передавая самому себе информацию, человек «внутренне перестраивает свою сущность» [9, с. 26]. Этот процесс инициируется социальной средой, которая вынуждает обратиться к автокоммуникации. Вторжение извне добавочных социальных кодов происходит вследствие недостаточности наличных. При этом само сообщение (информация) начинает играть не характерную для него функцию. Результатом большинства случаев автокоммуникации является изменение внутренней самоидентификации. А одним из подобных изменений может стать соответствующее изменение восприятия (представление) своего статуса и оценка его как отчуждения.

Как известно, личность – результат постоянной скоординированности «Я» с Другими и постоянной взаимозависимости от Других. Как убедительно доказывает Н. Луман в своей теории дифференциальных систем [10], по мере роста социальной дифференциации усиливается процесс самодетерминации (автономии), самоопределения, саморегуляции. Человек начинает воспринимать себя как независимое, свободное существо, самостоятельно принимающее решения. Происходит, как отмечал Н. Элиас, постепенное сокрытие внутреннего мира в «футляре своего Я», по отношению к которому «другие люди воспринимаются как что-то Внешнее и Чуждое» [11, с. 99]. Воздействие индивидов друг на друга через информационные технологии сегодня изредка воспринимается как попытка ограничения независимости, самостоятельности,

автономии, которая влечёт за собой состояние отчуждения. Это становится особенно характерным для ситуаций, когда человек вынужден овладеть непривычной, неопределенной, непредсказуемой, неконтролируемой деятельностью, действовать в изменившихся, практически всегда рискованных условиях. Отчуждение в этом случае выступает как бытийная (качественная) характеристика опыта человека и личности, противостоящая безопасности его автономии.

В социальном модусе идентичности трансформируются границы, меняется роль личностной автономии. Под идентичностью понимается свойство психической жизни человека, выражающееся в отождествлении себя с определенным признанным образом, возникающее в ходе социального взаимодействия понимание человеком себя как личности. Под идентичностью рассматривают интегрированность человека и общества, их способность к осознанию самотождественности. Паттерн идентичности конституируется не столько самотождественностью, самоопределением, сколько предполагает рефлексивную самоотнесенность, опосредованную присутствием значимого Другого. Таким образом, идентичность задается различием, «идентичность – это самость, определяющая себя через участие в универсальных проектах» [1, с. 19].

Как известно, идентичность – это изменчивая структура, которая развивается через преодоление своих кризисов. Кризис идентичности указывает на несоответствие критериев самотождественности и самоидентификации характеру исторического процесса, новому порядку вещей, распаду представлений о том, чем является человек, личность, общество. Проблеме кризиса идентичности приписывается конструктивная роль, кризис идентичности видится как возможность и условие формирования новой идентичности в ситуации социальной неопределенности. Утрата старых и возникновение новых идентичностей сопутствуют неизменно преобразующемуся социуму и являются нормальным состоянием индивидов, которые вынуждены постоянно самоопределяться в пространстве «Я–Мы–Они». Появление множественной идентичности в современном обществе связано с расширением личностных приоритетов и приумножением ролевых ожиданий.

Однако сегодня рассуждают о кризисе идентичностей, который провоцируют условия современного общества, что выражается в проблематичности сохранения различных «образов–Я», а также в том, что идентичность утрачена и разрушена, поиски её бесплодны. Ей нет места в актуальном пространстве вовлеченностей. Современный социум не сводится к набору устойчивых социальных общностей. Сегодня человек участвует во множестве социальных процессов и групп, не отождествляя себя ни с одними из них на сравнительно длительное время. Существуя во множестве реальностей (политической, экономической, социальной, моральной, образовательной, профессиональной и т.д.), индивид входит в каждую из них сегментом своей личности, автономно-

ности, не идентифицируя себя ни с одной из них. Не имея базисной группы социально-психологической идентификации, индивид оказывается в пространстве и времени социальной неопределенности и диффузии. «Атомизация» (автономизация) и «массовизация» разрушают структуры социально-групповой идентификации.

Доминанта индивидуализма, формировавшаяся в рыночной экономике, как известно, привела к деградации социального. Она выразилась в размывании устойчивых границ между частным и общественным, в подмене масштабных социальных задач партикулярными устремлениями, в приоритете прав субъектов перед обязанностями взаимной регуляции целей, отношений и действий [12, с. 138].

Паттерн идентичности сегодня «снимается» социальной координатой возможного и невозможного, а не ориентиром на дозволенное и запрещенное. Так, идеология неолиберализма, вызывающая к «предельным степеням» свободы, независимости, автономности человека, к чрезмерной его приспособляемости, адаптационной гибкости, изменяет ментальность современного человека, провоцирует личность к бесконечному выбору, инициирует своего рода избыточную податливость личности к непрерывным изменениям, в конечном итоге порождая проблему принудительного выбора, что делает человека уязвимым, несвободным, сужает границы его автономии, депрессируя личность. Депрессия – это болезнь самоопределения и практической автономии [13, с. 214].

Все чаще приводятся доводы в пользу того, что путь «идентичностей» как социальных координат «пройден», разрушен. Появляется вовлеченность со своими социальными, личностными координатами, новыми контурами автономии. О таком вызове современности З. Бауман пишет: «...в наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны; их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы. Их характер изменился, и в соответствии с этим они реклассифицированы как пункты в списке индивидуальных задач.

Вместо того чтобы служить предпосылкой стиля поведения и задавать рамки для определения жизненного курса, они следуют ему (следуют из него), формируются и изменяются под воздействием его изгибов и поворотов. Силы сжижения переместились от системы к обществу. От политики к жизненным установкам – или опустились с макро- на микроуровень социального общежития» [14, с. 35]. Социолог констатирует факт атомизации индивида, «размывания» индивидуальной идентичности в современном информационном, глобализирующемся обществе.

О модусе социальной вовлеченности, наступающем на индивидуальную полиидентичность пишут и другие авторы. Трансформация границ личностного выбора, «муки выбора», наблюдаемые в новейших

социальных модусах бытия, таким образом, актуализируют поиск путей укрепления границ личностной автономии. (Продолжение следует.)

Список литературы

1. Единство мира и многообразие культур (материалы круглого стола» украинских и российских философов) // Вопросы философии. 2011. № 9.
2. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб., 2008.
3. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 3.
4. Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1994.
5. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
6. Deleuze G., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis, 1983.
7. Труфанова Е.О. Я как конструкция // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. акад. РАН В.А. Лекторский. М., 2009.
8. Харламов А.В. Информационное отчуждение в современной культуре // Культура и просветительство как ресурсы духовного единства и социальной стабильности общества СПб.; Смоленск, 2010.
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
10. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
11. Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.
12. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2010.
13. Ветлесен А.Ю. Философия боли. М., 2010.
14. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

SOCIAL MODES OF LIFE AND INSTITUTIONALIZATION OF THE PERSONAL AUTONOMY

E.Y.Maikova

Tver State Technical University, Tver

The article offers the discourse analysis of the personal autonomy borders established by modes of "self", identity and an involvement. Within its format, the problem of preservation and security of a personal autonomy in the perspective of social involvement is discussed.

Keywords: *social modes of life, social involvement, institutionalization of a personal autonomy*

Об авторе:

МАЙКОВА Элеонора Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», e-mail: maikova@tstu.tver.ru

MAYKOVA Eleonora Yourievna – Ph.D. (History), Assoc. Prof., Chair of the Dept. of Sociology and Social Technologies of Tver State Technical University, e-mail: maikova@tstu.tver.ru